

ДИСКУССИЯ

ОТВЕТ РЕЦЕНЗЕНТУ

В своей рецензии на книгу: Фитч У.Т. “Эволюция языка” С.А. Бурлак отвела моей скромной персоне более трети текста. Помимо прочего, она дала развернутую оценку моих научных взглядов и способностей к работе переводчика. Автор рецензии приходит к выводу, что осуществив перевод книги, «Панов, в целом, оказал издательству “Языки славянской культуры” колоссальную медвежью услугу».

Коль скоро мне было отведено так много внимания, я начну с аргументации С.А. Бурлак в пользу этого ее тезиса. И лишь затем перейду к той теме, которая, казалось бы, должна была бы занять доминирующее место в тексте рецензии, а именно: какова оценка ее автора содержательной стороны книги У.Т. Фитча.

С.А. Бурлак провела тщательнейшее расследование, целью которого стало сделать как можно более длинным перечень допущенных мной оплошностей. На 525 страницах основного текста книги мультидисциплинарного содержания (теория эволюции; генетика; палеонтология и палеоантропология; морфология речевого аппарата и мозговых структур, ею управляющих; лингвистика во всех ее ипостасях: фонология, синтаксис, грамматика, семантика, прагматика; теория автоматов в ее отношении к лингвистике; компьютерное моделирование процессов ее трансформаций; основы зоологии; этология; и многое другое) ей удалось выявить девять терминологических неточностей, два случая неверного написания имен авторов (отличного от принятого в лингвистическом сообществе) и три – транскрибирований названий местности, также отличных от традиционных. Прочие несколько замечаний (общим счетом восемь) выглядят примерно следующим образом:

«...“девочка-маугли”, найденная в пригороде Лос-Анджелеса – Джини, а не “Тени” (в результате такого перевода читатель может не понять, что Фитч имел в виду тот же самый случай, что и Пинкер)»;

«...в пассаже о категориальном восприятии употреблён глагол “распознавать” вместо “различать”, что приводит к полной невразумительности всего фрагмента» (курсив мой. – Е.П.). И так далее, в том же духе.

Еще одна претензия состоит в том, что перевод получился “слишком вольным”. Я стремился к тому, чтобы текст можно было читать по-русски. Поэтому если в абзаце одна и та же несложная мысль была подана Фитчем три или четыре раза подряд в разных словесных комбинациях (что вообще характерно для стиля этого автора), я объединял их таким образом, чтобы с большей ясностью и меньшим количеством “воды” передать основное содержание фрагмента. Этим качественный перевод отличается от подстрочника, что мне известно по опыту перевода еще трех книг с английского (в том числе за авторством классиков – К. Лоренца и Н. Тинбергена [1, 2, 3]), а также собственноручного – на английский двух моих довольно объемистых книг [4, 5], в которых речь идет, в частности, об эволюции сигнального поведения в конкретных подразделениях класса Птиц.

Покончив с составлением перечня ошибок, Бурлак приступила к общей оценке моих научных взглядов. Цитирую: “Увы, идеи самого Панова имеют к реальности ещё меньшее отношение. Фитч аккуратен в аналогиях, он всё время подчёркивает: то, что мы видим у животных, – это не в точности то, что мы видим у человека, сходство наблюдается лишь в отдельных аспектах – но именно эти аспекты наиболее интересны в контексте происхождения языка. Панов же, напротив, пытается донести до читателя мысль, что сходства никакого нет, даже в отдельных аспектах, и, соответственно, коммуникация животных не может пролить ни малейшего света на происхождение человеческого языка. Впадая в данную крайность, Панов загоняет себя в тупик единственной возможности: возникновение языка имело скачкообразный характер, язык возник вдруг, на пустом месте и сразу целиком. Но если посмотреть на эволюцию, то так не бывает”.

Здесь С.А. Бурлак имеет в виду, по-видимому, мое послесловие [6]. В нем я говорю вот о чем. Центр мировоззрения Фитча, аргументируемого им в его книге, – это идея преемственности между сигнальными системами животных и языком. Как верно заметила Бурлак в этой цитате, вся аргументация построена на аналогиях. Характер этих аналогий таков, что на память приходит следующее высказывание классика: «Существует еще один вид неправильной аргументации по

аналогии, в более точном смысле заслуживающий названия “ошибки”: а именно когда на основании сходства предметов в одной черте заключают о сходстве их в другой, причем не только не доказана причинная связь между этими двумя чертами, но, напротив, положительно известно, что такой связи нет» [7]. Ряд примеров такого рода умозаключений Фитча приведены в послесловии. Здесь приведу лишь один: “Открытие австралопитека с низко расположенной гортанью не может быть доказательством владения им речью, коль скоро известно, что *ей обладают лев и коала*” (курсив мой. – Е.П.).

С.А. Бурлак, при ее повышенном интересе к моему творчеству, следовало бы понимать, что я никогда не ставил своей целью объяснить происхождение языка. Это скорее в ее компетенции, и я желаю ей успеха на этом поприще. Я лишь присоединяюсь к точке зрения выдающегося лингвиста Д. Бикертонна. В мою задачу как профессионального этолога входит только показать, что сигнализация животных и язык человека – это две принципиально разные материи и что поиски преемственности между ними – заведомо тупиковый путь. Мои соображения на этот счет изложены в конспективной форме в статье “Что может дать изучение коммуникации животных для проблемы происхождения языка?” [8], а в развернутом виде – в книге “Парадокс непрерывности: языковой рубикон” [9]. В этой книге, в частности, подробно рассмотрены на основе новейших данных коммуникативные системы всех видов человекообразных обезьян и приведены самые последние результаты попыток обучить языку членов лабораторной группировки бонобо, с оценками результатов этого эксперимента.

Возьмем далее последнюю фразу цитированного выше отрывка из рецензии С.А. Бурлак: “Но если посмотреть на эволюцию, то так не бывает” (оставлю без комментариев стилистику этого высказывания). Автору, с высоты его лингвистического образования, разумеется, хорошо известно, что бывает и чего не бывает в эволюции органического мира вообще и коммуникации в частности. Бурлак продолжает: “Между тем такое – *даже с чисто логической точки зрения* – невозможно, поскольку если виды развиваются, то их коммуникативная система может изменяться, а если коммуникативная система может изменяться, то можно исследовать направления таких изменений, условия, которые вызывают переход из одного состояния в другое” (курсив мой. – Е.П.). На это следует возразить, сказав, что в природе не действует обыденная логика, которой следует автор рецензии, и что ход эволюционных процессов

ей не подчиняется. Вопрос о том, как идет эволюция этих систем в реальности, рассмотрен в другой моей книге “Эволюция диалога...” [10].

В частности, существует такое явление, как ароморфоз, суть которого в скачкообразном (не одномоментно, а в масштабе эволюционного времени) становлении сложных морфо-функциональных систем (см. об этом [11]). О том, как эти представления могут трактоваться в отношении языка, говорится в главе 10 другой моей упомянутой выше книге [9]. Вопрос рассматривается там на основе анализа поразительного прогресса в орудийной деятельности шимпанзе.

Один из ключевых моментов в проблеме становления языка лежит в сфере закономерностей эволюции поведения. Здесь автор рецензии смело вторгается в тему, очевидным образом весьма далекую от области ее профессиональной подготовки. Наивность представлений С.А. Бурлак об этой материи хорошо иллюстрирует следующая цитата из текста рецензии: “В природе *задача*, по-видимому, *ставится* иначе: выжить среди себе подобных. Эта задача актуальна для тех видов, которые практикуют половое размножение, – попытка выжить без других представителей своего вида (неважно, удалившись от них или победив их в конкурентной борьбе) крайне *осложняла бы нахождение подходящего полового партнера* (то есть не просто особь противоположного пола, а именно такую, которая даст максимально жизнеспособное потомство с выбирающим). *Для того, чтобы минимизировать негативные эффекты от сосуществования с другими, имеет смысл замечать*, что они намереваются проявить агрессию, готовы к спариванию, заметили еду или приближающегося хищника и т.п. Этим, кстати, и объясняется честность подобной коммуникации”. Вот так раскрывается суть приведенной выше ремарки С.А. Бурлак, в которой она предлагает следовать в понимании природных процессов с “*чисто логической точки зрения*”.

Для меня, посвятившего 50 лет этологическим исследованиям в природе, этот пассаж выглядит как отрывок из сочинения студента-выпускника, который непоколебимо убежден, что упрощенные схемы реальности, полученные им из вторых или третьих рук, и есть истина в последней инстанции. В такой же мере автор рецензии далек от понимания истинной сложности и внутренней противоречивости процессов органической эволюции вообще и поведения животных в частности. Трактовать эволюцию в терминах целенаправленного, как делает С.А. Бурлак, это значит расписаться в своем биологическом невежестве:

ни о какой задаче, которая “*ставится* в природе”, не может быть и речи. Эволюция – далеко не всегда оптимизация, повышение приспособленности и *целесообразности* в обыденном ее понимании. Эволюция – это в первую очередь изменение. Поэтому эволюционисты уже на протяжении нескольких десятилетий избегают понятий “прогрессивный”, “худший” и тому подобных.

О степени компетентности С.А. Бурлак в вопросах биологии можно судить и по ее критике в адрес следующего моего замечания в одной из сносок в книге Фитча. Это звучит так: «Панов заявляет, что ДНК “определяет все без исключения свойства организма, которому принадлежит”». Чтобы опровергнуть сказанное мной, она пишет, что “...значительная часть структуры мозга (а это очень важно для языка) определяется прижизненным опытом индивида, не будучи закодирована в ДНК”. На самом деле речь идет о так называемых *эпигенетических процессах*, в ходе которых врожденные свойства организма, закодированные в генах, реализуются спонтанно (по принципу созревания) и/или во взаимодействии с внешней средой. Это азбучная истина, трактующая соотношение между врожденным и приобретенным в ходе индивидуального развития как явление “нормы реакции”. Кстати сказать, механизмы созревания нервных сетей вполне адекватно описаны в книге Фитча. Но автор рецензии на нее, как можно видеть, плохо понял, о чем там идет речь.

Обратимся теперь к той теме, которая должна была бы стать главной для рецензии, именно, что представляет собой сама книга Фитча с точки зрения С.А. Бурлак. Она кратко пересказывает ряд затронутых в ней тем, особенно тех, которые импонируют ей в меру ее знакомства с сутью дела. Отмечает она и недостатки книги, не упуская при этом возможности в очередной раз упомянуть обо мне в оскорбительной манере: “На фоне такого количества переводческих огрехов собственные неточности Фитча меркнут, но и их в книге *не-нулевое* (?) количество” (курсив и знак вопроса мои. – *Е.П.*). Но в целом автор расценивает книгу как “весьма полезную”. По мнению рецензента, “...она стимулирует любопытство читателя, побуждая его (вследствие недостаточной подробности изложения) искать первоисточники рассмотренных в книге данных и получать тем самым максимально неискаженную информацию о них”. Против этого трудно что-либо возразить.

Позитивная оценка автором рецензии книги Фитча не должна удивлять, поскольку главы 4 и 5 ее собственной книги, вышедшей в 2013 году [12], где речь идет об эволюции, выглядят

почти что двойниками тех мест, которые посвящены обсуждению этих вопросов у Фитча. Это либо “трюизмы”¹, например: “Коммуникативная система представляет выгоду не для отдельных особей, подающих или принимающих сигнал, а для всей популяции”, или же утверждение, что “язык, как и многие поведенческие признаки, имеет полигенное наследование”; либо пересказ “гипотез”, принадлежащих сторонникам преемственности между сигнальным поведением животных и языком. Таковы, например, построения за авторством приматолога Р. Данбара. Вот как они изложены на с. 450–452 книги Фитча. «Его (Данбара. – *Е.П.*) аргументация основана на том факте, что большинство приматов, живущих группами, отдает чрезмерно много времени аллогрумингу (взаимному уходу особей за покровами – шерстью, кожей друг друга. – *Е.П.*). Коль скоро эта активность не приносит индивиду непосредственного выигрыша (как, например, поиски корма), ее следует считать важным фактором социальной интеграции. Индивид может повысить свой социальный ранг, вступая в отношения аллогруминга с наиболее высокоранговым членом группировки. Кроме того, партнеры по аллогрумингу поддерживают друг друга. Но временные затраты на взаимные чистки каждого, кто входил в этот все разрастающийся альянс, становились весьма накладными для его индивидуального бюджета времени. В конечном счете, считает Данбар, группы превысили определенный предел численности, и система достигла точки распада. Это, согласно его гипотезе, открыло путь давлению отбора на выработку сложной вокализации как “вокального аллогруминга”. Широковещательная природа распространения звука дает этой инновации преимущество перед индивидуально ориентированными движениями рук при перебирании шерсти партнера и выскивания в ней паразитов. Таким образом, каждый индивид в сообществе гоминид смог одновременно “чистить” (groom) множество партнеров. Эта гипотеза дает объяснение двум особенностям речи людей: постоянству ее использования в социальном процессе и постоянно же наблюдаемой ее бессодержательности» (с. 450–452) [14]. Вера С.А. Бурлак в то, что такого рода “гипотезы” стоит обсуждать всерьез, еще раз заставляет усомниться в адекватности и полноте ее представлений о механизмах эволюции.

¹ Об этой особенности текстов С.А. Бурлак я писал еще несколько лет назад в статье, где речь шла, среди прочего, об ее докладе на Круглом столе “Коммуникация человека и животных: Взгляд лингвиста и биолога”, который проходил в Москве в сентябре 2007 года [13].

Говоря в главе 4 своей объемистой книги об эволюционных переходах от движений “обычной активности” к “эмоциональным сигналам”, С.А. Бурлак приводит всего лишь три примера, где речь идет не о “животных вообще”, но о конкретных их видах, то есть общие отвлеченные рассуждения уступают, к счастью, место информации, в сути которой можно разбираться. Так вот, один из этих примеров основывается на искажении данных первоисточника и на подмене понятий. Пример заимствован из раздела статьи В.С. Фридмана [15] под многозначным заголовком «В чем “выгода” и эволюционное значение перехода от стимулов к знаку в коммуникации животных?». В моей статье [16] с критикой взглядов этого автора (работавшего одно время в тандеме с С.А. Бурлак) я подчеркиваю, что мнимая эволюционная преемственность между двумя видами ящериц-круглоголовок, о которых идет речь, выстроена без каких-либо к тому оснований. Какой вид является исходным, а какой – производным от него, не знает никто. Поэтому я пишу: «Уместно задать вопрос, что дает В.С. Фридману основание считать поведение сетчатой круглоголовки исходным (примитивным), а наблюдаемое у другого вида – производным от него (эволюционно продвинутое)? Знаменательно, что автор даже и не подумал задать себе такой вопрос (во всяком случае, на это нет и намека в разбираемой статье). Здесь мы имеем дело с типичной практикой субъективного выстраивания ряда поведенческих форм, вектор которого априорно задается опять же по чисто субъективным критериям “простое – сложное”, “примитивное – прогрессивное”, “менее целесообразное, мало адаптивное – более целесообразное, высоко адаптивное”. При таком положении вещей ни о какой научной ценности “эволюционного сценария” не может быть и речи» [16]. Именно так приходится трактовать пример с круглоголовками в статье В.С. Фридмана и соответственно в книге С.А. Бурлак.

Поразительная скудость примеров, приводимых в этой книге в пользу представлений автора об эволюции коммуникации, сама по себе говорит о тщете усилий усмотреть в них отражение некой общей закономерности. Вот что об этом пишет сам Фитч. «В пору моей юности средства массовой информации были переполнены вымыслами о “языке дельфинов” и о том, что у обезьян, выращенных людьми, нет предела в способности развивать навыки в обучении языку. Считалось, что открытие референтной сигнализации у черномордой мартышки верветки означает неожиданную сложность звуковой сигнализации у животных. Казалось, что вот-вот появится новый

доктор Айболит, кто научится расшифровывать языки разных животных, и я волей-неволей верил в это. То, что мы видим сегодня, рисует довольно-таки любопытную картину. Вопреки *интенсивным* поискам в пользу такого рода предсказаний, выясняется нечто совсем иное. В частности, шимпанзе способны в естественных условиях транслировать богатую информацию об эмоциональном состоянии особей, что, разумеется, обеспечивает адекватность социальных взаимоотношений внутри их сообщества. Однако референтность в этой коммуникативной системе весьма ограничена, не говоря уже о возможностях создавать новые по содержанию сообщения, что в неограниченной мере свойственно языку человека» [14, с. 658–675] (курсив мой. – Е.П.). Как я писал в своей статье, «в завершение этого отрывка Фитч, в подтверждение своих слов цитирует тех самых двух авторов [17], с чьей легкой руки весь сыр-бор загорелся. Впрочем, упорство в желании оказаться первыми, неважно какой ценой, в горячей сегодня теме происхождения языка легко пересиливает необходимость соблюдать определенную научную осмотрительность. Так, К. Арнольд и К. Зубербюллер, обнаружив, что некоторые самцы мартышек *Cercopithecus nictitans* иногда комбинируют воедино сигнал тревоги на леопарда с таковым на орла, скромно озаглавили свою заметку, поместившуюся на одной странице журнала “Nature” [18], следующим образом: “Эволюция языка: семантическое комбинирование в криках приматов” [8].

В моем послесловии к книге Фитча сказано: “Особой заслугой автора в той части его рассуждений, которые содержатся в разделе 4.11.3, следует считать, на мой взгляд, то, что он дезавуировал, наконец, навязший на зубах пример с референтной якобы коммуникацией у мартышек верветок”.

Таким образом, С.А. Бурлак, опираясь на примеры вроде этого в попытках доказать истинность воззрений Фитча и соответственно своих собственных, стремится быть “святое самого папы”. Ведь в главе 4 она прямо заявляет, что отличие языковых способностей человека и животных по большинству параметров скорее количественное, чем качественное, – тезис, который иначе чем абсурдным назвать нельзя. Совершенно ясно, что указания на дефекты общего строя книги Фитча (направленного на поиски “скрытых возможностей животных к использованию коммуникативных систем, подобных языку”) должны восприниматься ею в качестве критики в свой собственный адрес. Этим я отчасти объясняю ту горячность, с которой автор рецензии обрушился

на мое редактирование книги Фитча. Ведь для нее этот американский автор есть главный авторитет в ходе рассуждений, декларирующих преемственность между коммуникацией у животных и у человека.

Должен к тому же заметить, что рецензия С.А. Бурлак в этой своей оценочной части сильно уступает по содержательности другим на ту же тему. Их авторы фиксируют внимание на продуманном анализе позиции Фитча со всеми ее недостатками с точки зрения профессионального лингвиста, а не на выискивание ошибок переводчика (см., например: *Касевич В.Б. У.Т. Фитч. Эволюция языка // Журнал “Биосфера”, Т. 6, № 2, 2014*).

Если сконцентрироваться на теме оппозиции “сигнализация животных – язык человека” в понимании У.Т. Фитча и С.А. Бурлак, то полезно будет сослаться на точку зрения лингвиста М. Таллерман, известной своими трудами об одной из версий гипотезы музыкального протоязыка (так называемом “холистическом протоязыке”). В своей рецензии на книгу Фитча она пишет: «Первая проблема состоит в том, что автором не акцентирована уникальная (exceptional) природа языка как способности, присущей человеку. В частности, мнимые (putative) параллели с коммуникацией животных, как и с их когнитивными способностями, временами преувеличены. Возьмем (для примера) следующую сентенцию: “...даже синтаксис, по крайней мере, на нижнем его уровне, находит аналогии у ряда видов (например, у птиц и в “песнях” китов), что может помочь нам как в понимании деятельности мозга как основы синтаксических правил, так и давлений эволюционных факторов, которые заставляют последние становиться более сложными” (с. 18). В то время как отчасти истинна (there’s SOME truth) первая половина этой фразы, содержание второй (принимая во внимание существование иерархической структуры и простых форм “синтаксиса” у животных – см. превосходный обзор в работе: Hurford, 2012) таит в себе определенную опасность. Именно человеку, далекому от лингвистики, может быть внушена совершенно ложная идея (entirely the wrong idea), согласно которой аналогии синтаксиса обнаружены у животных. Грамматические системы языка есть НЕ просто более сложные версии коммуникативных систем животных. Те полностью аморфны (non-compositional) и лишены двойного членения (duality of patterning)...» [19] (выделения заглавными буквами – автора цитаты).

Общая оценка множества разноплановых дефектов книги Фитча приведена в моем

послесловии к ней, вызвавшем столь явное негодование со стороны С.А. Бурлак. Между тем в этой своей критике я не одинок. Вот что, в частности, пишет Кристина Бёме (Dalhousie University, Канада), интересы которой сосредоточены в области философии языка: «Нельзя не признать, что никто ранее не попытался столь широко охватить тему эволюции языка. Поэтому неудивительно, что одна из причин аплодисментов в ее адрес обозначается как ее “энциклопедичность”. Принимая во внимание междисциплинарный характер темы, весьма желательно, разумеется, иметь в руках одну книгу, в которой были бы объединены все наиболее важные выводы, сделанные разными авторами в рамках разных дисциплин, что позволило бы каждому исследователю знать о происходящем за пределами его собственной области знаний. Несомненно, речь идет и о молодых ученых, желающих начать работу по этой увлекательной тематике. Они особенно нуждаются в доступном, хорошо проработанном введении в нее. Таким образом, потребность в таком руководстве несомненна. Вопрос состоит в том, удовлетворяет ли книга Фитча такого рода требованиям? К сожалению, как я полагаю, ответ будет “нет”, если речь идет о тех, кто наиболее нуждается в таком введении в тему. Это как раз те, кто *ничего не знает* о проблеме эволюции языка» [20] (курсив мой. – Е.П.). И далее: “Пространная глава (35 с.), где преподносятся объяснения терминологии и концепций эволюционной теории, не даст, как мне кажется, ничего нового тем, кто уже знаком с эволюционной манерой мышления. С другой стороны, столь беглое и поверхностное изложение не позволит уяснить суть дела и тем, кто ничего не знал о предмете до этого” [ibid] .

Кроме того, как специально подчеркивает К. Бёме, «...точность не относится к числу главных достоинств “Эволюции языка”». От себя скажу, что местами неуклюжесть изложения автором этой книги своих мыслей попросту ошеломляет. Например, в разделе 8.2 (“Основы биоакустики”) мне пришлось сделать пространную сноску, разъясняющую для читателя суть дела, подчеркнув вначале, что текст я перевел дословно. Вот в такой постоянной борьбе с “ненулевыми” неточностями и умолчаниями (чаще по незнанию, чем умышленными) относительно фактов, противоречащих утверждениям Фитча, и состояла моя работа редактора. Приведу лишь два примера. На с. 231 дана сноска следующего содержания: «Представления о способности пчел передавать значимую информацию посредством танцев опровергнуты еще в 1990 году, так что все сказанное здесь далее по этому поводу не соответствует

действительности (см. [21]; в русском переводе см. [3]). В сноске на с. 216 сказано: “Это опровергнуто в статье: Laffleur D.L., Lozano G.A., Sclafani M. 1997. Female mate-choice copying in guppies, *Poecilia reticulata*: a re-evaluation” [22]. Думаю, что то же самое случилось бы с приводимыми ниже примерами (по крайней мере, с некоторыми), если бы кто-либо попытался повторить эксперименты и проверить истинность полученных ранее результатов. Прим. научн. ред.».

Не уяснив себе значимость этой проведенной мной колоссальной работы и оценив ее как неоправданное вторжение переводчика в смысл текста, транслируемого на другом языке, С.А. Бурлак пишет: “Однако тем, кто хорошо знает английский язык, читать её надёжнее в оригинале”. Я, со своей стороны, не посоветовал бы делать этого даже врагу, принимая во внимание излишнюю многословность многих мест книги, где сказанное чуть ли не самоочевидно, и туманность текста там, где сам автор крайне поверхностно знаком с тем, о чем пишет. Объем книги в оригинале сильно возрос за счет многочисленных повторений одного и того же в разных главах почти что в одних и тех же выражениях, что я старался, по возможности, сократить.

Я обеспечил возможность быстрого поиска читателем интересующих его тем, детализировав оглавление (в оригинале указаны только наименования глав и подглав) и составив качественный предметный указатель, построенный по иерархическому принципу. В примечании к этой части моей работы сказано: «Указатель, помещенный в оригинальном издании книги У. Фитча, едва ли удовлетворяет требованиям, предъявляемым к такого рода справочным материалам. Это алфавитный перечень терминов, отобранных из всего множества относящихся к делу, как кажется, совершенно случайным образом. Например, присутствует слово “кладовая” (запасы, сделанные животными), но нет слова “гоминиды”. Из числа последних упомянут один лишь неандерталец. Поэтому предлагается другой указатель, составленный научным редактором перевода совершенно по иному принципу. Здесь содержание крупных категорий раскрывается в иерархии более частных, соподчиненных им понятий. Для первых (таких как “язык”, “теория эволюции”, “фонология”) приведены лишь указания тех страниц, где раскрывается самое общее содержание понятия. Полный перечень страниц приведен лишь для терминов более низких уровней иерархии и для тех, ознакомление с которыми наиболее важно для понимания хода процесса эволюции языка (например, “австралопитеки”, “питекантроп”

и др.). Кроме того, использована система перекрестных ссылок».

Как следует из сказанного, автор рецензии на книгу Фитча категорически не согласен с моей точкой зрения о существовании непроходимой пропасти между сигнальными системами животных и языком человека [9]. Но, как я попытался показать ранее, представления С.А. Бурлак о коммуникации животных и об ее эволюции слишком туманны и наивны, чтобы она могла обсуждать эту тему не декларативно, а на должном научном уровне. Не отдавая себе отчета в этом, она взяла на себя смелость полностью дезавуировать, да еще в столь безапелляционной, агрессивной и оскорбительной манере, результаты весьма объемной работы, сделанной мной в контакте с Издательством “Языки славянской культуры”.

Е.Н. Панов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лоренц К.З.* Кольцо царя Соломона. Перевод и послесловие Е.Н. Панова. М.: Знание, 1970.
2. *Тинберген Н.* Поведение животных. Перевод Е.Н. Панова и О.Ю. Орлова. М.: Мир, 1978.
3. *Веннер А., Уэллс П.* Анатомия научного противостояния. Есть ли “язык” у пчел? Перевод, предисловие и научное редактирование Е.Н. Панова. М.: “Языки славянской культуры”, 2011.
4. *Panov E.N.* Wheatears of the Palearctic. Ecology, behaviour and evolution of the genus *Oenanthe*. Sofia: Pensoft, 2005.
5. *Panov E.N.* The true Shrikes (Laniidae) of the world. Ecology, behaviour and evolution. Sofia; Moscow: Pensoft, 2011.
6. *Панов Е.Н.* Послесловие к книге У. Фитч “Эволюция языка”. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 658–675.
7. *Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: Издание Г.А. Лемана, 1914.
8. *Панов Е.Н.* Что может дать изучение коммуникации животных для проблемы происхождения языка? // Московский лингвистический журнал Вестник РГГУ. 2012. 14(8). С. 146–173.
9. *Панов Е.Н.* Парадокс непрерывности: Языковой рубикон. О непреодолимой пропасти между сигнальными системами животных и языком человека. М.: Языки славянской культуры, 2012.
10. *Панов Е.Н.* Эволюция диалога. Коммуникация в развитии от микроорганизмов до человека. М.: Языки славянской культуры, 2013.

11. *Северцов А.Н.* Морфологические закономерности эволюции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
12. *Бурлак С.А.* Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. М.: АСТРЕЛЬ, 2011.
13. *Панов Е.Н.* Язык человека и сигнальные системы животных // *Успехи современной биологии.* 2009. 129(5). С. 492–510.
14. *Фитч У.* Эволюция языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 658–675.
15. *Фридман В.С.* Новые представления о сигналах и механизмах коммуникации позвоночных. Основания знаковой коммуникации // “Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы человека и животных. Происхождение языка”. Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 367–394.
16. *Панов Е.Н.* Против механицизма и антропоморфизма в осмыслении процесса коммуникации у животных // *Этология и зоопсихология [научный электронный журнал].* 2010. № 1. С. 79–99.
17. *Seyfarth R.M., Cheney D.L.* Signalers and receivers in animal communication // *Ann. Rev. Psychol.* 2003. V. 54. P. 145–173.
18. *Arnold K., Zuberbühler K.* Language evolution: Semantic combinations in primate calls // *Nature.* 2006. V. 441. P. 303.
19. *Tallerman M.* Join the dots: A musical interlude in the evolution of language? *Journal of Linguistics.* <http://journals.cambridge.org/LIN>
20. *Behme C.* Review – the Evolution of Language. http://metapsychology.mentalhelp.net/poc/view_doc.php?type=book&id=5953 &cn=396. 2010.
21. *Wenner A.M., Wells P.H.* Anatomy of a controversy. The question of a “language” among bees. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1990.
22. *Lafleur D.L., Lozano G.A., Sclafani M.* Female mate-choice copying in guppies, *Poecilia reticulata*: a re-evaluation. *Anim. Behav.* 1997. V. 54. P. 579–586.